

Станислав Аверков

**О любимых гениях и о
себе**

Станислав Аверков
О любимых гениях и о себе

«1000 бестселлеров»

2016

Аверков С. И.

О любимых гениях и о себе / С. И. Аверков — «1000 бестселлеров», 2016

«Человечество отличается от четвероногого мира тем, что у нас – человек есть особое свойство – творчество. Творчество присуще всем видам нашей деятельности. В предлагаемой читателям книге «О любимых творческих личностях и о тех, кто творил кое-что секретное» рассказано о деятельности гениев театрального мира и космического ракетостроения на примере соприкосновения коллектива Московского театра драмы и комедии на Таганке и песенных бардов с создателями ракетно-космических систем из одного из знаменитых советских конструкторских бюро. Соприкосновения происходили в самых неожиданных местах. Без этих соприкосновений энергетика творчества этих объединений была бы развита не в полной мере. Автор книги уведомляет читателей о том, что все ракетно-космические сведения, изложенные в ней, были проданы американцам деятелями перестройки, развалившими Советский Союз. Ныне все эти сведения любознательный читатель может найти в ИНТЕРНЕТе...»

© Аверков С. И., 2016

© 1000 бестселлеров, 2016

Содержание

Вступление	6
Глава I. В воронцовском вырезителе раздалось: «Спой, Вован»!	7
Глава II. Как молодой ракетостроитель Стас обстрелял Соединенные Штаты Америки на ее западном побережье	10
1. Как зарождался «частично орбитальный бомбардировщик»	10
2. Байконур встретил новичка космическим запуском	16
3. Каким прекрасным был старт и полет первой в жизни ракеты Стаса!	18
4. Как гром среди ясного неба	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Станислав Аверков

О любимых гениях и о себе

Материал представлен в авторской редакции!

* * *

Вступление

Посвящается моей любимой жене за ее терпение.

Человечество отличается от четвероногого мира тем, что у нас – человек есть особое свойство – творчество. Творчество присуще всем видам нашей деятельности. В предлагаемой читателям книге «О любимых творческих личностях и о тех, кто творил кое-что секретное» рассказано о деятельности гениев театрального мира и космического ракетостроения на примере соприкосновения коллектива Московского театра драмы и комедии на Таганке и песенных бардов с создателями ракетно-космических систем из одного из знаменитых советских конструкторских бюро. Соприкосновения происходили в самых неожиданных местах. Без этих соприкосновений энергетика творчества этих объединений была бы развита не в полной мере.

Автор книги уведомляет читателей о том, что все ракетно-космические сведения, изложенные в ней, были проданы американцам деятелями перестройки, развалившими Советский Союз. Ныне все эти сведения любознательный читатель может найти в ИНТЕРНЕТе.

Глава I. В воронцовском вытрезвителе раздалось: «Спой, Вован»!

– Паря, где я?

– А я где? Что за сводчатый потолок? Что за небольшие окошки с решетками под потолком?

– Братва, так мы неужели в КПЗ? – воскликнул возле Стаса сосед.

«Но разве в камере предварительного заключения может устанавливаться такое множество одиночных кроватей? В КПЗ должны быть двухъярусные!» – стало смутно вырисовываться окружение вокруг Стаса.

Опять донеслось восклицание:

– Паря, где же я?

– А ты, оказывается, не знаком с московскими вытрезвительными местами! В вытрезвители мы, коллега – пьянчужка! Однако, все же есть вопрос – в каком? На Бауманской или на Матросской Тишине? – раздалось со средней кровати.

– Ну, ты комик – алкоголик, знаток московских «оздоровительных центров»! Тебе на Матросскую Тишину захотелось! Тишина – заведение престижное, для правонарушителей. А мы всего лишь романтические натуры, – рассудил хриплый баритон.

– Что правда, то правда, паря! Романтизм у нас в крови. Мы увлекающиеся до умопомрачения особы. Что-то твой баритон мне знаком! Не удивлюсь, если в твоих руках, паря, окажется гитара.

– Не напрягай ослабевшие после вчерашнего мозги, дружище, тебе это вредно, бобо расколется.

– Обижаете золотоискателя, Вован, у меня бобо сибирское, крепкое. Ты, Вовчик, на северо-востоке от Байкала знаменитейшая личность, ты – наш, свой в доску. Я специально, приехав в Москву, специально пошел на «Таганку». На тебя хотелось посмотреть. Но не удалось. Пришлось припомнить нашу сибирскую:

Бежит паровоз по долинам и по взгорьям
Летит он неведомо куда.
Мальчонка назвал себя жуликом и вором,
И жизнь его теперь одна тюрьма.

Постой паровоз, не стучите колеса,
Кондуктор, нажми на тормоза...
Я к маменьке родной, больной и голодный,
Хочу показаться на глаза.

Не жди меня, мама, хорошего сына.
А жди меня – жулика, вора...
Меня засосала воровская тряпина
И жизнь моя обычная тюрьма.

Постой паровоз, не стучите колеса,
Есть время взглянуть судьбе в глаза.
Пока еще не поздно нам сделать остановку,
Кондуктор, нажми на тормоза...

Вот так пришлось невезуху залить нашим сибирским способом. Однако, свидеться с тобой судьба даровала мне в этом довольно – таки необычном московском заведении. Не мучь мое сердце! Спой, не будь парашей!

– Параша – мамаша – папаша! Превосходная простонародная рифма! Вот ты сейчас исполнил то, что мы в театральном подполье в течение многих часов переделывали. Оказывается, переделанное не осталось в нашем театральном «подполье». Оно ушло в народ, достигнув даже Иркутской губернии. Гитару бы сейчас в руки...

Беседу прервал вошедший сержант. Осмотрел полуподвальные «хоромы»:

– Ну что, протрезвели, любители романтической экзотики? В моем заведении почти после каждого спектакля собирается особый контингент – театально-романтизированный.

– Так мы, оказывается, на Воронцовке! Так это почти филиал «Таганки»! Вытрезвитель на Воронцовке особый, театально-артистически-зрительский. Сержант, публика просит спеть! В нашей среде есть сибиряк с золотых приисков. Ему не удалось попасть в театальный зал! Разрешить!

– Ишь ты, сразу видно, что за птица в моих руках. Ты хоть помнишь, с гитарой был или без нее?

– Обижает, уважаемый! Конечно, с ней, со спутницей моего творчества, – Владимир обвел взглядом обшарпанные стены, остановился на помятых лица, – ну что, гитару вернешь?

– Ох, уж эти барды! Им сразу в вытрезвители гитару подавай! Ладно уж, послушаем знаменитость.

Струна разорвали подвальный воздух:

– ... Дайте собакам мясо, авось они подерутся,
Дайте похмельным кваса, может, они перепьются,
Чтоб не жиреть воронам, ставьте побольше пугал,
А чтобы быть влюбленным, дайте укромный угол.
В землю бросайте зерна, может, появятся всходы,
Ладно, я буду покорным, дайте мне свободу.

– Ого-го! Свободу ему подавай! – Сержант хитро сощурился, – Ты ее еще не заработал.

– Братцы, вступитесь за современного гусяра!

Протрезвившие «романтики» принялись на все лады ублажать милицейского вершителя человеческих судеб:

– Вован – наша гордость, пожалей его и заодно и нас!

– Выпусти, и нас, почитателей его таланта! Мы хорошие, исправимся...

– Огород твой вскопаем, полы будем мыть в твоей канцелярии...

Сержант понял, что задел за живую струнку своих «подопечных»:

– Так легко не отделаетесь! Что с вами делать, решать буду я! Захочу – будете подметать пятнадцать суток Таганскую площадь, а если сочту нужным, отправлю за сто первый километр от границы Москвы.

В полуподвале загремел хор проштрафившихся любителей искусства:

– Сержант, мы не какие-нибудь прощальги, из-за любви к высокой материи погорели!

Но сержант был себе на уме:

– Что-то нос повесил наш всеобщий любимчик, а ты про нас, про блюстителей порядка спеть можешь?

Обладатель баритона взглянул хитро на того, от кого во время сегодняшнего утреннего просветления зависело судьбоносное решение, и улыбнулся ото всей души:

– Шеф, только из-за уважения к тебе и твоей труднейшей профессии, – и ударил по струнам:

Нам ни к чему сюжеты и интриги,
Про все мы знаем, что ты нам не дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю кодекс уголовный наш.
И если мне нейдет и не спится,
Или с похмелья нет на мне лица,
Открою кодекс на любой странице
И не могу – читаю до конца...
...И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать.
И кровь в висках так ломится, стучится,
Как мусора, когда приходят брать.

– Ну, ты смелый, паря! – золотодобытчик взвыл на койке от восхищения, – за такое на Ленских приисках тебя бы на руках носили!

Сержант же рубанул рукою по воздуху:

– Обижаешь, Владимир! К тебе и к твоему другу я по-хорошему, а ты с ходу грубишь. Что, хочется схлопотать пятнадцать суток, подметать московские улицы? Для меня проще пареной репы устроить вам всем праздничек с метлой на радость поклонникам. Пол Москвы сбежится глазеть на кумира с метлой в руках... За мной мое рекламирование тебя с метлой не будет отложено в долгий ящик. Но...

Однако, что в эти мгновения творилось со Стасом? Он лежал, сжавшись в комок. Стонал про себя: «как я, будучи в столице в командировке, выполняя ответственный секретнейшее задание руководства секретнейшего ракетостроительного конструкторского бюро, мог так опростоволоситься? Вот уж, влип, так влип? Неужели придется подметать московские улицы? А затем последует порочащая бумага из московской милиции. Меня будут склонять на многочисленных кабэвских собраниях. А напоследок с позором выгонят из КБ за пьянку. С чего началось мое падение? Но является ли падением стремление к прекрасному? Неужели я – ракетостроитель – в душе все же натура более близкая к поэтам, артистам, художникам, чем к ракетным стартам?..»

А в это время в вырезители прозвучало:

Если бы я был физически слабым
Я б морально устойчивым был
Ни за что не ходил бы по бабам,
Алкоголю б ни грамма не пил!..
Ну а если я средних масштабов
Что же делать мне, как мне быть?
Не могу игнорировать бабов,
Не могу и спиртного не пить!

... Солнечный весенний день только начинался в вырезители на московской Воронцовке...

Глава II. Как молодой ракетостроитель Стас обстрелял Соединенные Штаты Америки на ее западном побережье

1. Как зарождался «частично орбитальный бомбардировщик»

В далеком 1966 году, Стасу довелось впервые осознать величие евроазиатского степного простора, воспетого выдающимся историком Львом Гумилевым – сыном известнейших поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Где еще можно найти на Земном шаре степь, раскинувшуюся на многие тысячи километров от устья Дуная, от Карпатских гор и почти до Великой Китайской стены?..

Авиалайнер вылетел, чтобы «сразиться» с Великой Степью. Это просто сказать – вылетел! А что было перед этим?

Будни есть будни. У кого они цветные, у кого – серые. У Стаса тогда все переплелось.

Любая ракета – сложнейший проект. Но если ракета согласно задумкам планировалась быть не только межконтинентальной, но еще и «супер межконтинентальной», то всем ее создателям пришлось «попотеть» в полную силу.

Американцы узнали о советской супerrакете через два года после начала ее испытаний и назвали ее FOBS, то есть «частично орбитальный бомбардировщик»!

«Что-то заумно переборщили американцы в названии FOBS?» – спросите вы.

Но такой уж была заумной супerrакета ракета! И все потому, что она должна была превратить разрекламированную американцами их противоракетную оборону в груды металлолома.

В то время американцы предполагали, что советские межконтинентальные ракеты могут достигнуть США по кратчайшему расстоянию – через Северный полюс. Поэтому они выстроили свою противоракетную оборону на Аляске и в Канаде. Наши ученые мужи нашли выход из положения, чтобы перехитрить их.

Советская новая ракета была задумана с невиданным свойством – она должна была стать орбитальной!

Итак, по задумке советских проектантов, первые две ступени «ракетного бомбардировщика» должны были вывести на околоземную орбиту третью часть ракеты, состоящую из «головы» с ядерным зарядом, приборным отсеком и тормозной двигательной установкой. Летя по орбите, третья часть ракеты, приближаясь к цели, должна была сойти с орбиты, затормозившись двигательной установкой и, спустившись с орбиты, поразить цель. Дальность этой ракеты могла достигать почти сорок тысяч километров. Скорость ее увеличивалась до первой космической, то есть достичь потенциального противника быстрее в несколько раз. Иными словами, она могла разгромить в США цель, зайдя на нее с Южного полюса. С южной стороны американцы были беззащитны. Вот из-за такого необычного свойства орбитальная ракета смогла получить у американцев такое непривычное название – не просто «бомбардировщика», а «частично орбитального»! Ведь наша ракета не должна была облететь Земной шар, совершив один полный оборот вокруг него, а только часть его, не нарушив при этом международный договор о не выведении в космос ядерного оружия. Вот такими были хитрыми советские ракетостроители!

Будни молодого специалиста Стаса, только недавно закончившего Новочеркасский политехнический институт и получившего направление в ракетостроительное конструкторское бюро, были загружены подготовкой технических заданий на разработку смежными конструкторскими организациями системы управления для «изделия 8К69» и ее отдельных элементов. В секретной документации орбитальная ракета именовалась, как «Р-36 орб», по заводской технической документации – «изделие 8К69».

Смежниками были харьковское Конструкторское Бюро Электроприборостроения (КБ ЭП или п/я А-7160). и московский Научно-Исследовательский Институт Командных Приборов (НИИ 944 или п/я А-3697, или НИИ КП – что только не придумывали у нас в стране, чтобы сбить с толку потенциального противника). Эти конструкторские организации были самыми главными в разработке системы управления. У них были десятки своих смежников.

Когда харьковчане прислали разработанный ими эскизный проект системы управления для 8К69, надо было его изучить, проанализировать: все ли наши требования учтены в нем...

Автор этой книги не собирается выкладывать все подробности создания ракеты 8К69. Но как же умолчать о многочисленных технических совещаниях с представителями многочисленных организаций – разработчиков систем и узлов 8К69 по спорным вопросам. О дневных и ночных утрясаниях отклонений от документации при реализации этого проекта в цехах ракетного завода.

На Совете главных конструкторов всех принимавших участие в разработке 8К69 организаций решались наиболее острые вопросы создания 8К69. На эти Советы съезжались руководители всех КБ, НИИ, академий, заводов. Для Советов необходимо было готовить многочисленные проекты постановлений... И все это ложилось на плечи инженеров, в том числе и молодых специалистов, причастных к разработке 8К69.

Но были такие вопросы, о которых стоит упомянуть. Например, один из изготовителей прислал на ракетный завод агрегат, позабыв дополнить его крепежными деталями. Вроде бы пустячок, но как без них установить его на ракете? Пришлось по секретной в-ч связи выругать растяп. Те срочно прислали своего представителя с извинениями.

Или электрические кабели из Харькова оказались не новой, а старой распайки.

Текучка переплеталась с глобальными огрехами.

Например, проектировщики усомнились в возможности выполнения заданной в тактико – технических требованиях министерства обороны величине массы доставляемого к цели боевого заряда. Решили еще раз просчитать возможности «орбиталки».

Они оказались ниже оговоренных в ТТТ. Причина – превышение ракетой допустимого веса из-за ряда допущенных отклонений в процессе изготовления ракеты на заводе. Кто виноват? Конечно, конструкторы. Они сами санкционировали отклонения в цехах!

Поэтому чтобы вывести третью ступень на расчетную орбиту с требуемым весом заряда, надо было в срочном порядке придумывать способы снижения веса конструкции «орбитального бомбардировщика». Вначале над этим ломали головы теоретики. Потом они объединились с конструкторами. Вместе пришли к выводу, что выявленный недостаток в весе можно было бы ликвидировать за счет изменения технологии покраски корпусов ступеней ракеты. Слишком толстый слой краски наносится на ракетные баки. Он мог бы быть втрое тоньше. Выигрыш при этом – сотня килограммов. То есть в полете вместо этой сотни килограммов можно увеличить вес ядерного заряда. Был подготовлен приказ об изменении технологии покраски.

И тут же возник новый вопрос: что делать с уже изготовленными ракетами? Скоблить? Ну и ну! Скоблить никто не стал, но историю эту долго рассказывали, как анекдот...

Но все это уже осталось позади. Ракета была испытана на стенде в сборочном цехе. Тогда в сборочном цехе она казалась Стасу верхом совершенства. Даже великолепно красивой. Ее

классические формы да плюс белая окраска напоминали ему что-то древнеримское или древнегреческое. Например, одну из колонн древнегреческого храма.

Но заводские испытания закончены! Пора было отправлять самое совершенное изделие в мире (как казалось его создателям) на полигон.

Однако неожиданно Стаса срочно вызвали в сборочный цех. Оказывается, во время последнего осмотра ракеты было обнаружено никем не предсказуемое, несурзное происшествие, которое не лезло ни в какие рамки!

Кто бы мог подумать, что виной тому могла оказаться обыкновенная кошка, жившая в сборочном цехе. Ее обязанностью было своим запахом предупреждать появление в цехе мелких существ. Они, то есть мыши или крысы, в принципе могли бы перегрызть в цехе электрические кабели. На заводе были предусмотрены самые современные способы защиты кабелей от грызунов. Но сборщики ракеты перестарались и завели в цехе кошку. А она не нашла лучшего места, чем один из отсеков ракеты, чтобы родить в нем котят. Работники цеха были в шоке: неужели их любимица привела в негодность «частично орбитальный бомбардировщик»?

Пришлось провести дополнительные испытания ракеты, чтобы убедиться, что ракета не повреждена. Заводские юмористы сразу же определили: не только человек, но четвероногие тоже горят желанием побывать в космосе и даже не только сами, но и со своим потомством!

Начальство же оценило случившееся, как не доброе предзнаменование!

Наконец-то, ракетные ступени – все в белом (белый цвет означал, что изделие не боевое, а предназначено для лётно-конструкторских испытаний) было готово к дальнейшим «экзекуциям».

Весь коллектив КБ и завода вздохнул, когда ракетные ступени погрузили в железнодорожные вагоны и отправили на полигон в в/ч 11284. Ныне это Байконур.

В те дни в голове Стаса вертелись мысли: когда же командируют на полигон и его? Работает он уже три года, освоил систему управления «машиной» (в разговорах в конструкторском бюро и на заводе не употребляли слова «ракета», только – «машина» или «изделие»)!. А его все еще считают молодым спецом! Пора уже и ему принять участие на полигоне в испытательских буднях!..

КБ заплатило железнодорожникам изрядную сумму, чтобы ракетный состав не простаивал на станциях, а был доставлен на полигон экспрессом. Он прибыл на полигон в конце 1965 года. Там с 8К69 возились, как с новорожденным ребенком. Проверяли все конструкционные узлы и системы. Вдруг, во время транспортировки по железной дороге от удара при состыковке вагонов на ракете образовалась вмятина? Или в одном из электрических разъемов нарушилась пайка? Но могли быть и другие, более существенные причины для тревожений. Не исключено, что у «новорожденной машины» могли быть обнаружены на полигоне недоделки из-за неучтенностей каких либо моментов при проектировании «изделия». Не исключено – это не означает, что они произойдут. Но чем черт не шутит... Если они где-то и притаились, то их можно было бы обнаружить только на полигоне, в монтажно-испытательном корпусе (МИКе), при совместном функционировании всех систем ракеты. Последнее место выявления недоделок – это стартовая позиция.

В середине декабря 1965 года «частично орбитальный бомбардировщик» был установлен на стартовой позиции в вертикальном положении. Снова были проведены проверки. Затем началась заправка ракетных баков ракетным топливом.

Как сообщили с полигона, без «неучтенности» в «частично орбитальном бомбардировщике» не обошлось. Она проявила свое коварство при заправке «машины». По технологии заправки горючее должно было поступать в бак, заполненный азотом. Но в магистрали поступления в бак азота обнаружилась его утечка. При ликвидации азотной утечки произошло срабатывание клапана магистрали горючего. Он открылся – и через него горючее пролилось на стартовый бетон. Начался пожар.

Ракетная техника – опасная штука. Особенно при испытаниях ракет, превращенных из задумок в металл. На то они и испытания, чтобы выявить все собственные «грехи» – проекторочные, конструкторские, заводские. Хорошо, что обошлось в декабре 1965 года без жертв. Да и при всех последующих испытаниях 8К69 человеческих жертв не было!

После доработки системы заправки «изделия» азотом продолжились испытания последующей ракеты в феврале 1966 года. Но они закончились на полигоне опять же с «вывихом». Был доработан и этот «вывих». В середине марта привезли на полигон очередную «машину». Ее готовили к пуску особенно тщательно. Но завершить ее подготовку к пуску до майских праздников не удалось. Работу прервали, испытатели вернулись в родные края. Прилетел и представитель отдела, где работал Стас. Он стал расспрашивать Сергея Ясенева о полигоне, о МИКе и о многом другом.

Перед майскими праздниками начальник отдела Иосиф Менделевич Игдалов заявил на совещании в своем кабинете: «Ты, Станислав, горячий молодой специалист. Рвешься в бой! Ну что ж, твоя мечта может воплотиться в жизнь! После майских праздников на полигоне должен состояться пуск нашего «изделия». В нем будешь участвовать ты! Заменишь там Сергея Ясенева. Сережа провел там четыре первых месяца этого года. На своей шкуре ощутил все «прелести» полигонной жизни. В апреле подготовил «машину» к пуску. За что и получил добавочный коэффициент к зарплате. (за вредные условия работы на полигоне наша зарплата увеличивалась в соответствии с размерами вредности). Теперь просится дать возможность ему порадовать семью самим собой. Ты, Стас, уже созрел для полигонной будней».

Праздничные дни пролетели удивительно быстро: первомайская демонстрация, чествование героев Великой отечественной войны, туристский поход за город...

10 мая 1966 года Стас собрал сумку, проверил паспорт, командировочное удостоверение, справку о допуске к секретным работам. Вечером побегал через Комсомольскую балку к Центральной проходной ракетного завода. Там уже собралась толпа. Удивился, неужели все уважающие себя специалисты КБ и завода собрались на полигон? Подошли автобусы. Но почему их так мало? Как же все собравшиеся смогут поместиться в них? Толпа начала штурмовать их. Стас, опередив кое кого, протиснулся в автобус. Сотрудники КБ и завода стояли даже в проходе, тесно прижавшись друг к другу. Увидев, как Стас работает локтями, закричали:

– Ты что, спешишь поперек батьки в казахстанское пекло? Ты, Стас, что, в первый раз летишь? Так тебе надо улепётывать домой, чаек попить! Всех самолет не заберет. Улетят самые – самые нужные!

Стас подумал: «Ох, эта табель о рангах – кто нужен, кто нет! Авось прорвусь. Улечу даже в самолетном туалете!».

Была полночь. В аэропорту чувствовалась нервная обстановка. Оказалось, что в АН-24 может разместиться не более сорока человек, а желающих более сотни. Каждый пытался доказать другим, что без него испытания сорвутся, что без него «машина» не взлетит! Стюард – бортпроводник Михаил Чекодаев пытался образумить толпу! Но она ни в какую! Прибыл технический руководитель испытаний Михаил Иванович Галась, стал зачитывать список вылетающих. Произнес фамилию Стаса и спросил:

– Это тот, кто вместо Ясенева? Ты у него узнал все особенности вашей работы на полигоне?

– Он мне все рассказал.

– Проходи на посадку в самолет!

Стас с гордым видом отошел к группе избранных.

Не включенные в список стали громко протестовать – если они улетят не сейчас, а следующим рейсом через пару дней, то испытания провалятся в тартарары!

Стас стоял с видом отмеченного всевышним и наблюдал, как специалисты ракетостроительного КБ рвутся на испытания! Где это видно в капиталистических странах, там работники – это рабочее быдло, а у нас, в СССР, труд – это почетная обязанность!

Спецы метали громы и молнии, но Стаса это уже не касалось, ведь он ныне был привилегированной персоной!

Прорвавшиеся на летное поле пытались пробраться в АН-24 через грузовой люк. Они надеялись, что в полете, когда их обнаружат, не выбросят же за борт! Трое «заказчиков» (представители военного ведомства – военпреды) в офицерской форме (в КБ и на заводе они носили гражданскую одежду и тем самым не отличались от сотрудников КБ заводчан), размахивая бутылкой вина, попытались договориться с бортпроводником-стюардом Чекодаевым, чтобы спрятал их в туалете, но он был неумолим. Тогда они решились на отчаянный шаг. Подбежали к авиамотору АН-24 и стали удерживать его за лопасть. Кто-то из этой троицы закричал:

– Недоумки, без нас не улетите! Думаете без нас, военпредов, легко скроете свои огрехи? Все равно найдем!

И навалились на лопасть винта, чтобы с похмелья не свалиться на бетон. Галась вышел из самолетного салона на трап:

– Если не дадите взлететь, пошлю с борта самолета радиogramму главному ракетных войск стратегического назначения, чтобы уволил вас за безобразие! Немедленно отпустите лопасть винта!

В ответ закричали:

– Вы что, нам угрожать! Вчера праздник Победы был или не был?

– Вы записаны на второй рейс! Протрезвейте дома рассольчиком!

Двое отпустили лопасть. А третий, самый молодой с лейтенантскими погонами навалился на шасси:

– Вы разрушаете семью! Я с молодой женой простился еще позавчера! Если к утру вернусь хмельным к любимой жене, она меня выгонит и подаст на развод! Вы не имеете права разрушать семейный очаг!

Галась рассмеялся. Расхохотались все, кто был на летном поле:

– Михаил Иванович, заберите этого, непутевого ловеласа!

Любителя амурных походов втащили в «Аннушку». Она вырулила на взлетную полосу.

Вот таким был первый вылет Стаса на Байконур. В салоне «Аннушки» избранные раскрепостились. Кто достал из сумки сало, кто горилку. Позвали «зайцев» из хвостового отсека. Чекодаев заглянул в туалет. Там сном праведника спал лейтенант, скорее всего, впервые изменивший после свадьбы жене.

Еще раз поздравили коллеги друг друга с прошедшим праздниками. В праздничное настроение вмешался Чекодаев:

– Не расслабляться! Кругом гроза! Циклон накрыл почти всю европейскую часть СССР! Будем прорываться в Азию по окраине циклона! По моей команде всем пристегивать ремни!

Стас заглянул в иллюминатор. Над тучами висела Луна. Под «Аннушкой» тучи вспыхивали грозowymi разрядами. Самолет трясло, как будто пассажиры ехали по булыжной мостовой. Чтобы успокоится, Стас вытащил из сумки книгу Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь». Первая же страница захватила его: «Еще на первом курсе истфака автору пришла в голову мысль заполнить лакуну во Всемирной истории, написав историю народов, живших между культурными регионами: Западной Европой, Ближним Востоком и Китаем (Дальним Востоком), то есть в Великой Степи». От чтения оторвал энергичный голос Чекодаева:

– Пролетели Донецк, под нами Ростов, посадка в Минеральных Водах.

Над Минводами ветер с кавказских вершин разогнал облака. В лужах на асфальте отражались аэропортовские огни. Чекодаев заявил: «Экипаж далее не готов продолжать наш спецрейс пока над Каспием окончательно не прояснится. Всем покинуть салон».

Стас вышел из здания аэропорта. В руках том Гумилева. На востоке заалела узкая полоска над горизонтом. В ту минуту ему показалось, что Великая Степь от устья Дуная и Карпат до Великой Китайской стены заключила его в свои объятия. Свежий горный ветер с окраины Степи ворвался в его тело. И ему представилось, как наши предки из Великой Степи проходят мимо Стаса чередой. Но фантазию прервал Чекодаев:

– Вот ты где спрятался! Ловишь рассветные мгновения! Я сам, будто древний язычник, готов возносить хвалу рассвету и богу Солнца Яриле. Но возможность такая выпадает редко. Не случись бы гроза, так не залетели бы мы на Кавказ, не появилась бы возможность любоваться рождением нашего светила возле Эльбруса!

А далее был полет через Каспийское море. Вслед за ним под крылом «Аннушки» распростерлось безлюдное пространство. В иллюминатор можно было разглядеть, как под «Аннушкой» в важном спокойствии появлялись и исчезали белые пятна солончаков, их сменяли гряды желтых бугров. И вдруг в степи возникли скопления сайгаков. Кто-то из ракетостроителей воскликнул:

– Эх, пальнуть бы из ружьишка?

2. Байконур встретил новичка космическим запуском

Минут через двадцать промелькнула, ослепляя солнечными брызгами, лента Сыр-Дарьи. «Аннушка» приземлилась в аэропорту Крайнем. Солдатики ворвались в салон вместе с потоком солнечного света. Быстрая проверка паспортов и командировочных удостоверений. И вот Стас ступил на ступеньку трапа.

– Так это и есть сердце Великой Степи? – успел вымолвить он, как его обожгло ее дыхание. Как будто сорок доменных печей накинута на него и принялись выплавлять из его организма все соки. Кто-то из встречавших военных, почувствовав состояние Стаса, поддержал его:

– Прибывшие впервые в сердце Степи в середине мая, не редко теряют сознание. Но сегодня только тридцать восемь градусов по Цельсию. Совсем недавно отцвели тюльпаны. Будьте мужественным, настоящая жара еще впереди!

«Ну что ж, сам напросился в печь, надо привыкать к ее жару», – подумал Стас и поблагодарил поддержавшего его лейтенанта.

– Юрий Балакин, – представился он и протянул ему флягу с мутной жидкостью, – у нас везде такая вода. У нас все ее кипятят. В моей фляге она тоже кипяченая. Так что пейте, не бойтесь. Бациллы уничтожены. До сорок третьей площадки доберетесь в автобусе с помощью моей фляги, а там акклиматизируетесь.

– А как же вы?

– Я поеду вместе с вами, днепропетровцами. Буду вместе с вами готовить к старту вашу ракету как представитель одного из отделов управления штаба нашего полигона.

За окном автобуса мелькали удручающие километры за километрами. Картина не менялась – одна и та же желто-серая равнина. Полупустынная. Изредка появлялись безлистные кустики, за ними ровные, как столы, участки красной глины и снова серые былинки, опаленные солнцем.

Вдруг автобус остановился. Возле него появился военный патруль. Из автобуса выскочили конструкторы, стали возмущаться:

– Зачем остановили? Неужели на тридцать первой площадке работа? Так мы поворачиваем направо, на сорок третью. До нее километров пять. Успеем доехать до гостиницы.

– У нас приказ никого не пропускать и на тридцать первую, и на сорок третью. Все население этих площадок уже эвакуировано. Оставайтесь здесь до особого указания.

– А когда поступит это особое указание? – спросили «промышленники» офицера с красной повязкой.

– Нам не докладывают. Когда улетит, тогда и поедете.

– О чем не докладывают? – спросил Стас стоявшего коллегу Эдуарда Компанийца. – Что улетит?

– Стас, да ты первый раз на полигоне? Смотри вперед и примечай. Видишь впереди на возвышении желто-красные строения? Это площадка 32 – монтажно-испытательная, чуть левее площадка 31 – стартовая. К ним уходит шоссе. На нашу 43-ю от шоссе ответвление вправо. Туда мы и направляемся. Но ты нацель свой взор на 31-ую. Увидишь что-то необыкновенное.

Прошли минут двадцать ожидания. С непривычки в горле пересохло, мучила жажда. Но Стас глядел то на 31-ую, то на 32-ую площадки, расположившихся километрах в трех на пригорке. Стас удивлялся – до них километра три, а видны они, как на ладони. Великая безлесная степь – чудо! Но когда и что появятся с пригорка? Что за диковинка?

И вдруг из-за 31-ой неожиданно вынырнула звездочка и понеслась в знойном белесом небе в сторону 43-ей площадки. И сразу же грохот сотряс и степь, и автобус, и барабанные перепонки Стаса.

– Что это? – спросил Стас Эдика.

Тот улыбнулся:

– Полигон приветствует тебя ракетным запуском! Это же королевская «семерка». Может быть, мы присутствуем при выведении на орбиту космонавта! Потерпи до гостиницы. Там все узнаем...

43-я площадка оказалась небольшим поселком – несколько гостиниц, общежития для офицеров и работников столовых, столовые, солдатские казармы, котельная, железнодорожная станция, которой заканчивался более чем шестидесятикилометровый железнодорожный путь от штабного и жилого городка. В самом начале этой «железки» к ней примыкало ответвление от станции Тюра-Там, находившейся на железнодорожной магистрали Москва – Ташкент и Алма – Ата.

Как только были распределены номера в гостинице под громким названием «Люкс», прилетевшие были вызваны на совещание на площадку 42.

Небольшое двухэтажное здание, где размещался штаб воинской части 14333, занимавшейся испытаниями 8К69, было более чем скромным. Удивляли лишь несколько молодых тополей по его периметру. На втором этаже был кабинет с табличкой на двери «Главный конструктор М. К. Янгель». Кабинет тоже не отличался помпезностью – сугубо рабочая комната. В ней собрались кабэвцы, заводчане, представители смежных организаций, прилетевшие из разных городов СССР. Совещание открыл технический руководитель испытаний 8К69 Михаил Иванович Галась:

– Прежде всего, давайте поздравим королёвцев с успешным выведением на околоземную орбиту нового космического аппарата. Свидетелями этого очередного космического успеха страны были все мы, здесь собравшиеся. Среди нас находится тот, кто впервые прилетел на полигон, – Михаил Иванович указал на Стаса, – новичок на ракетном полигоне да еще и с успешным космическим запуском – это хороший признак для всех нас. Будем надеяться, что и наша ракета будет успешно отработана и займет достойное место в деле защиты отечества. Пожелаем дальнейших успехов королёвцам. А теперь за работу. У кого есть вопросы?

Поднялся заместитель Галася по испытаниям 8К69 Михальцов:

– График продолжения работ после праздников был согласован еще в конце апреля. Есть ли у наших смежников дополнения к графику?

– Вроде бы, еще до майских праздников мы отработали на полигоне почти всё. Не только отработали, но и каждый прибор и узел прощупали. Непременно, мы должны на этом пуске доказать, что наше «изделие» работоспособно, – эти слова представителя харьковского КБ Электроприборостроения Леонтия Михайловича Бондаренко вызвали одобрение у всех.

3. Каким прекрасным был старт и полет первой в жизни ракеты Стаса!

Ракету вывезли из монтажно-испытательного корпуса на наземный старт, установили в вертикальное положение. Она прекрасно просматривалась даже с расстояния в десяток километров – белая «стрела» вонзилась в небо! Проверки «изделия» в вертикальном положении подтвердили его готовность к запуску. Он должен был состояться после полуночи.

– Почему выбрана именно стрельба на Камчатку и старт в ночное время? – спросил Стас у Компанийца. И получил исчерпывающий профессиональный ответ:

– В этом пуске мы должны подтвердить работоспособность всех систем нашего «изделия». Для этого вовсе не обязательно, чтобы оно обогнуло планету и попало в свой собственный старт. По составленной нашим баллистическим отделом программе космический аппарат должен выйти на орбиту и тут же затормозиться, чтобы попасть в цель на Камчатском полигоне.

– Чтобы не поднимать лишнего шума за рубежом? – попытался Стас понять намерения кабэвских баллистиков.

– Конечно, американцы поднимут шум, если засекут своими локаторами нашу головную часть на орбите. Но этого не произойдет, ведь мы решили, чтобы при этом запуске ракета находилась на орбите только над Советским Союзом. То есть укоротили орбиту и стреляем всего лишь на Камчатку, – Эдик посмотрел на часы, – уже полночь, пора выходить на степной простор, поближе к старту. В это время на Камчатке – утро.

Белая «стрела», освещенная прожекторами, великолепно смотрелась на фоне звезд. Эдик и Стас сверили часы. Эдик воскликнул:

– Пуск!

И через мгновение «стрела» исчезла в клубах дыма. Стас успел лишь произнести:

– Неужели снова авария! – как из черных клубов дыма вынырнула белая стрела с огненным факелом, прочертила ночное небо и превратилась в звезду. Конструкторы помчались на рядом находившийся Измерительный Пункт. У Стаса колотилось сердце, а в голове было одно родившееся в этот миг заклинание:

– Лети, родимая, без сучка и задоринки!

На Измерительном Пункте (ИПе) из динамика звучало: «Полет первой ступени – нормальный, двигатели работают устойчиво, программа тангажа отработана нормально, есть разделение ступеней, двигатели второй ступени работают нормально, норма, норма, норма...». Как это было приятно слышать! Осталось дожидаться сообщения с Камчатки, подтверждающее, что там зарегистрировали попадание макета боевой головной части в цель.

На ИПе работала Государственная Комиссия. За ее работой наблюдали испытатели, приехавшие и со старта, и из степи. Все замерли в ожидании сообщения с Камчатского полигона «Кура». Но сведений с Камчатки не поступало! Прошел час, другой. Председатель Государственной Комиссии заместитель начальника Военной Академии имени Ф. Э. Дзержинского генерал-лейтенант Ф. П. Тонких заявил:

– На этот раз все сложилось, как будто, удачно. Ступени отработали успешно. Плохо, что нет сообщений с «Куры». Но там, на границе с Чукоткой, свои трудности: погода неустойчивая и многое другое. Объявляю перерыв. Следующее заседание госкомиссии состоится на «десятке» в 11 часов утра. За остаток ночи и утром отдел анализа штаба уточнит по в-ч связи все, что наблюдалось на «Куре» и, конечно, доложит отклонения головной части от цели. До 11 часов все свободны.

На ИПе Стас разыскал лейтенанта Балакина, пригласил его в гостиницу «Люкс» отметить успех. Он отказался:

– Мне надо работать с Камчаткой! Странно, что они не прислали сообщения...

Его словам Стас не придавал значения и побежал в «Люкс». Он «гудел», как радостный улей. Пили за удачу, за то, чтобы и последующие пуски были такими же успешными, за здоровье всех окружающих, за тех, кто не с нами.

Стастика поздравляли: ты новичок на полигоне, ты принес нам удачу! Праздничное настроение требовало еще чего-то особенного.

Молодежная компания из разных организаций – Днепропетровска, Харькова, Москвы, Ленинграда решила встретить рассвет в Великой Степи. Солнце нового дня выползло из-за дальних лысых бугров. Его появление приветствовали радостным свистом многочисленные суслики, выбежавшие из своих многочисленных нор... Молодежи было радостно, весело, непринужденно...

В восемь утра автобусы, «газики» и «Волги» увезли создателей «частично орбитального бомбардировщика» за шестьдесят километров в город. В нем находились, кроме штаба полигона и его подразделений, жилые кварталы, школы, филиал Московского авиационного института, гостиницы, ресторан, столовые, универмаг, магазины... И все это называлось «десятой площадкой».

При въезде в город над контрольно-пропускным пунктом высилась гордая надпись – «Звездоград»! Миновали ее как-то обыденно, без торжественных восклицаний. Но сердце Стастика трепетало от гордости за причастность к великим космическим свершениям.

В штабе полигона праздничное настроение отступило на второй план. Вызвала удивление задержка открытия заседания Государственной Комиссии. Ее председатель генерал – лейтенант Ф. П. Тонких не выходил из отведенной для него комнаты. Вызывал к себе по очереди руководителей бригад испытателей из организаций, создавших 8К69. Долго беседовал втайне от остальных с Галасем и его заместителем Михальцовым, а потом с харьковчанином Бондаренко. Был уже час дня, а заседание еще не начиналось. Наконец-то, в зал вышли насупившийся Федор Петрович и такой же непроницаемый начальник штабного отдела анализа испытаний ракет Кауфман. Федор Петрович обвел взглядом притихших участников заседания, произнес:

– Испытания «машины» 8К69 далеки от завершения. Они сталкиваются с некоторыми особенностями, которые предстоит нам понять. И все же хочу отметить, что рассвет в конце туннеля замаячил.

Далее он предоставил слово с докладом о результатах последнего запуска начальнику отдела анализа полковнику Кауфману. Из его доклада можно было понять, что задачи, поставленные перед последним запуском, в общем, выполнены, доказано, что принципиальные решения, положенные в основу разработки «машины», верны. Двигатели первой и второй ступни показали свою работоспособность, система управления первой и второй ступени функционировала без перебоев, рулевые двигатели обеспечили разворот ракеты по тангажу, разделение первой и второй ступеней и отделение третьей ступени прошли во время и т. д. и т. д.

Зал возликовал! Пожатия рук, улыбки. Стас увидел Юрия Балакина? Подошел к нему:

– Юра, все ликуют, а почему и ты, и генерал очень даже озабоченные. Генерал как-то загадочно, неоднозначно оценил наш запуск. Почему он не поздравил всех нас – испытателей с успехом?

Юра тактично ответил:

– Вопрос задан не по адресу. Я всего лишь лейтенант, и даже не старший лейтенант, не говоря к тому же о генеральском звании.

– Юра, но ты же верный помощник генерала, ты же из отдела анализа, приложил руку к написанию доклада своего начальника. Не может быть, чтобы у Федора Петровича не возникло что-то, что нас, «промышленников», должно насторожить.

– Есть небольшая проблемка...

– Которая может вырасти в гигантскую?

- Еще раз предупреждаю – я всего лишь лейтенант.
- Не скромничай, Юра. Здесь, на полигоне у тебя великое будущее (как ни выглядели слова Стаса льстивостью, но он не ошибся, через тридцать лет Юрий Балакин стал генералом).

4. Как гром среди ясного неба

Разговор прервал Михальцов:

– Прошу прощения. Стас, выйдем в коридор.

Там он огорошил молодого специалиста:

– Необходимо съездить на старт. Надо кое в чем разобраться!

– В чем, Алексей Андреевич? Что стряслось? Вроде бы из доклада можно понять, что для волнений нет причин? Или враги постарались влить ложку дегтя в наш успех?

– Рано еще бежать в ресторан, обмывать удачу! До праздника еще далеко. Поехали. «Волга» уже подана!

Шестьдесят километров пронесли, как одно мгновение. Всю дорогу Михальцов молчал. Стас же решил не торопить события расспросами – была же какая-то веская причина, заставившая Алексея Андреевича покинуть штаб полигона и мчаться вместе с ним на отработанный прошедшей ночью старт.

На стартовой площадке было пустынно. Ничего не говорило о ночной феерии. Солдатик-контролер проверил пропуска, открыл стальную дверь бункера. Они прошли по коридору, остановились перед дверью комнаты, где размещалась аппаратура для набора полетного задания и ввода его в ракету. Дверь была опечатана. Молодой спец сразу же обратил внимание на дату опечатывания – свежая. Михальцов произнес:

– Печать моя. Опечатал сразу же после старта «машины», чтобы никто не смог изменить что либо в аппаратуре после старта.

– В чем проблема, Алексей Андреевич? Неужели есть сомнения в нашем запуске? Все же была ложка дегтя?

– Стас, возможно и была! Ее надо найти, понять и ликвидировать. Поэтому мы с тобой и стоим перед этой дверью. Стоим перед ней с тобой вдвоем, так как и я, и ты, были ответственны за...

Михальцов открыл дверь. Подошли к стойке с аппаратурой. Она тоже была опечатана. Но дата на этой печати была иная – «26 апреля 1966 года». Михальцов задумался:

– Судя по дате опечатывания, после 26 апреля к аппаратуре с введенным полетным заданием никто не прикасался и его не корректировал. Так почему же мы не попали на Камчатку? Все системы сработали безукоризненно! Но куда же мы попали? Ведь на Камчатке воронки от нашей боевой части нет!

– Как это? – Стаса начал бить озноб, затем бросило в жар. – А где она оказалась?

– По данным камчатского ИПа и предположениям нашего баллистика Компанийца мы перелетели Камчатку. И даже Тихий океан!

– За Тихим океаном – Америка! Так мы, значит, могли обстрелять Соединенные Штаты Америки? Алексей Андреевич, что же теперь делать? Нас, ответственных за ввод полетного задания, арестует КГБ, как врагов Родины, и расстреляет?

Молодой спец схватился за голову!

– Стас! Еще хуже! Мы вляпались в международный скандал! Нашего расстрела потребуют США!

– А если по требованию американцев нас не расстреляют, то начнется третья мировая война? – молодые поджилки затряслись, выступил пот, ноги набухли и превратились в неподвижные слоновьи тумбы. Стасу стало так жалко себя – такой молодой, еще не видел жизни, а его или отправят по этапу, или пуля в лоб, а еще хуже в затылок! Конечно, «замочат» не только его, но и всех причастных к пуску «частично орбитального бомбардировщика». Язык не поворачивался, но молодой спец все же вымолвил:

– Что делать, Алексей Андреевич? Расстрел то обеспечен?

– Зачем же паниковать. Надо разобраться, как это мог произойти несанкционированный перелет третьей ступени через Тихий океан в США? И куда она попала – в американские острова или еще дальше, на континент? Хотя если и в острова, все равно греха не оберешься.

После этих слов у Стаса отвисла челюсть. За ними последовало еще более умпомрачительное:

– Есть предположение, что наша «головка» подняла фонтан брызг на одном из пляжей Гавайских островов!

– Но ведь Гавайи – пятидесятый штат Америки! Гавайские острова – вулканические. Если наша головная часть попала в один из вулканов, то он начал извергаться? Выходит из-за меня погибли люди? Из-за меня!

– Не паникуй! Отправиться на виселицу всегда успеем!!! Давай без паники разберемся, по какой причине мы оказались преступниками? Я предполагаю, что на старте в ракету ввели одно полетное задание, а ее бортовые приборы были рассчитаны на другие. Боевые?

Для читателей эта версия – заумная, она требует пояснения. Сегодня она секретности не представляет.

В шестидесятые годы (как, между прочим, и в последующие годы) перед стартом в каждую ракету вводилось полетное задание. В нем указывалось, какую цель ракета должна поразить. В те годы в ракете согласно полетному заданию настраивались два харьковских прибора – автомат выведения ракеты на цель и автомат регулирования ее скорости. В шестидесятые годы для систем управления ракет еще не были созданы бортовые вычислительные машины с возможностью реализации в них огромного количества полетных заданий для огромного количества целей и выбора перед стартом одного из них (ПЗ), соответствующего цели поражения.

Созданные в шестидесятые годы приборы системы управления ракеты могли вместить всего три – четыре программы полета из обширного общего количества. Поэтому было решено автомат дальности и автомат скорости обозначить серией. Каждой серии соответствовали три-четыре полетных задания, пронумерованных по порядку в приборе.

Из этого следовало, что если ракета находилась на старте с приборами одной серии, а Генеральный штаб решил ее в срочном порядке перенацелить, то необходимо было прежде, чем нажать кнопку «Пуск!», проверить, есть ли в установленной на ракете серии приборов необходимое полетное задание. И если его нет, то следовало заменить в ракете ранее установленные серийные приборы на приборы необходимой серии с необходимым полетным заданием. Конечно, это вызывало определенные неудобства для воинских частей. Но бортовая вычислительная машина для ракетных целей только еще созревала в головах изобретателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.